


Санкт-Петербургская  
православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

**В.И. Цветков**

**Естественнонаучный закон  
сохранения энергии в применении к  
защите религиозной истины  
бессмертия человеческой души**

*Опубликовано:  
Христианское чтение. 1910. № 12. С. 1525-1536.*

 Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия  
([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)), 2009. Материал распространяется на основе  
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием  
авторства без возможности изменений.



СПБДА  
Санкт-Петербург  
2009

—————

## Естественнаучный законъ сохраненія энергіи въ при- мѣненіи къ защитѣ религіозной истины безсмертія человѣческой души \*).

**О**ДНАКО является новый вопросъ. Не можетъ ли психическая сила, не уничтожаясь, измѣнить форму свою, перейти въ другія силы? Другими словами: не угрожаетъ ли ученію о неумираемости психической силы, какъ именно специфически психической, а попутно съ этимъ и ученію о нематеріальной душѣ принимаемая новѣйшею экспериментальной психологіей теорія «превращенія энергій»? Конечно, для представителей и сторонниковъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, подходящихъ къ этой теоріи съ завязанными глазами, точно такъ же, какъ они подходятъ къ естественнаучному принципу «нѣтъ силы безъ матеріи», эта теорія представляется источникомъ новыхъ аргументовъ къ отрицанію нематеріальнаго начала въ человѣкѣ, въ частности къ отрицанію самостоятельной психической силы. Эта теорія съ ихъ точки зрѣнія опредѣленнымъ образомъ доказываетъ, что психическая сила свободно можетъ превращаться при жизни человѣка—въ силу физическую, по смерти—въ силу химическаго сродства, сдѣлленія, отталкиванія и т. п. Словомъ, явившись на свѣтъ Божій, теорія превращенія энергій съ радостью привѣтствуется матеріалистами. Съ другой стороны она же поставила въ весьма затруднительное положеніе тѣхъ защитниковъ бытія нематеріальной человѣческой души, которые недостаточно вдумались въ сущность ея и, ошибочно усмотрѣвъ въ выводимыхъ изъ нея положеніяхъ несогласіе съ

---

\*) Окончаніе. См. ноябрь.

ученіемъ вѣры о человѣческой душѣ, въ концѣ концовъ впали въ научный грѣхъ, такъ какъ безъ достаточныхъ основаній скептически отнеслись къ самой теоріи и обвинили лучшихъ представителей экспериментальной психологіи Фехнера, а также Грота, примѣнившихъ указанную теорію къ объясненію психологическихъ явленій, въ матеріализмъ. Но Гротъ самъ вполне основательно опровергъ предъявленное ему обвиненіе <sup>1)</sup>, а что касается Фехнера, то насколько справедливо было бы обвинять его въ матеріализмъ, мы увидимъ изъ ближайшаго ознакомленія съ его «Психофизикой».

«Живыя силы, говоритъ Фехнеръ, необходимы въ рубкѣ дровъ и употребляемыя на мышленіе, т. е. на психофизическія работы, не только могутъ быть сравниваемы, но даже и превращаемы одна въ другую».

Обращаемъ особенное вниманіе на терминъ «психофизическій». Психофизическія работы или дѣятельности—это суть физическія же дѣятельности, «служащія основой данной психической работы», это суть тѣ матеріальные процессы, съ которыми въ настоящей жизни необходимо ассоціируются дѣятельности душевныя.

«Какъ потребно, продолжаетъ Фехнеръ, извѣстное количество живой силы, чтобы расколоть сажень дровъ, поднять какую-либо тяжесть на извѣстную высоту, точно такъ же нужно извѣстное количество ея, чтобы какую-нибудь мысль мыслить съ извѣстною интенсивностью. Мы обыкновенно работаемъ умомъ, мыслимъ и при этомъ можемъ работать еще какимъ-нибудь тѣлеснымъ органомъ. Но лишь только увеличивается напряженіе мысли, для тѣлесныхъ дѣятельностей уже не остается никакой свободной силы и онѣ должны прекращаться: фактъ, конечно, несомнѣнный, что сосредоточенное и напряженное мышленіе приводитъ тѣло въ совершенный покой. Точно также, съ другой стороны, сильныя тѣлесныя движенія, напр., прыжокъ тотчасъ прерываютъ ходъ мышленія. Живая сила, необходимая для прыжка, отнимается въ этомъ случаѣ отъ мышленія, для котораго уже не остается свободной живой силы и оно должно прекратиться. Мы по возможности приводимъ въ покой всѣ части тѣла, чтобы можно было напряженно работать головой. И между самыми психофизическими дѣятельностями мы замѣчаемъ то же самое отношеніе.

<sup>1)</sup> Сравни. Вопр. Филос. и Псих. янв. —февр. 1900 г. кн. 51, стр. 94.

Нельзя въ одно и то же время быть погруженнымъ во внѣшнее созерцаніе и глубоко мыслить; въ одну и ту же минуту внимательно слушать и смотрѣть. Чтобы внимательно обсудить что-нибудь, мы должны по возможности отвлечься отъ всего посторонняго и сосредоточиться на чемъ-либо одномъ».

Что же спрашивается. матеріалистическаго въ томъ, что сила физической дѣятельности утилизируется психофизическою; что послѣдняя въ томъ или другомъ случаѣ представляетъ собою эквивалентъ прекратившейся механической и др. работъ? Что здѣсь такого, что препятствовало бы признанію самостоятельности и реальности духовнаго начала? Бэнъ, профессоръ Эбердинскаго университета, говоритъ, что «было бы несогласно со всѣмъ, что мы знаемъ о дѣйствіи мозга, если бы мы предположили, что физическая цѣпь внезапно кончается физической пустотой, занимаемой нематеріальной субстанціей <sup>1)</sup>. Но вѣдь мы и не утверждаемъ того, что физическая сила когда-либо погружается, выражаясь его же словами, въ нематеріальный океанъ. При психической работѣ физическіе процессы всегда налицо, какъ это засвидѣтельствовало самъ Бэнъ, говоря, что «каждому впечатлѣнію, ощущенію и мысли соотвѣтствуетъ физическая группа или серія нервныхъ токовъ <sup>2)</sup>».

«Мы имѣемъ всѣ причины думать, говорить онъ же, что всѣ наши умственные процессы непрерывно сопровождаются соотвѣтствующими имъ матеріальными процессами. Рядъ душевныхъ процессовъ ни на мгновеніе не отдѣляется отъ своихъ физическихъ спутниковъ» <sup>3)</sup>. А отсюда, въ тѣхъ случаяхъ, когда при усиленіи, напр., мыслительной дѣятельности, прекращается мускульная, механическая и т. п. работа—мы съ полнымъ правомъ можемъ утверждать, превращеніе послѣдней, но «отнюдь не въ чисто психическую» дѣятельность, а «въ психофизическую», какъ выражается Фехнеръ; другима словами,—«въ физическую же», но ту именно, которая «служить сѣдалищемъ или канвой для психической». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что усиленной душевной дѣятельности соотвѣтствуетъ таковая же, т. е. усиленная и физиологическая работа. Опыты Біассона, констатировавшаго увеличеніе—въ выдѣленіяхъ—количества фосфорно-кислыхъ алкалій послѣ напряженной ум-

<sup>1)</sup> „Душа и тѣло“ стр. 150.

<sup>2)</sup> Ibid стр. 136.

<sup>3)</sup> Ibid стр. 149—150.

ственной дѣятельности <sup>1)</sup>), достаточно подтверждають, что во время послѣдней усиливаются мозговья отправленія.—«При стеническихъ аффектахъ, свидѣтельствуеть Вундтъ, сердцебіеніе повышается, периферическіе сосуды расширяются и наливаются кровью, такъ что пульсъ бьетъ даже въ очень мелкихъ артеріяхъ. Дыханіе сильно учащается, такъ что часто доходитъ до настоящей одышки <sup>2)</sup>). Равнымъ образомъ, когда человѣкъ приходитъ «въ состояніе радостнаго возбужденія, то соотвѣтствующее послѣднему физическое состояніе, по свидѣтельству Бэна, есть приливъ жизненной энергіи къ мускуламъ, или къ органическимъ функціямъ, или къ тѣмъ и другимъ» <sup>3)</sup>).

Если имѣть въ виду это соотвѣтствіе психической и служащей основной для нея физической дѣятельности и подъ этимъ угломъ зрѣнія смотрѣть на теорію Фехнера, на что уполномочиваетъ и терминологія его, относящаяся къ нашему вопросу, то въ пей не оказывается никакого матеріализма и ничего такого, что противорѣчило бы ученію о самостоятельности психической силы и ея х-а. Возьмемъ примѣръ. «Сильныя тѣлесныя движенія, напр. прыжокъ,—утверждаетъ Фехнеръ,—тотчасъ прерываютъ ходъ мысли. Живая сила, необходимая для прыжка, отнимается въ этомъ случаѣ отъ мышленія, для котораго уже не остается свободной, живой силы и оно должно поэтому прекратиться» <sup>4)</sup>). Здѣсь ясно, что нѣкоторый плюсъ силы, употребленной на прыжокъ, представляетъ собою эквивалентъ силы, потребной для мышленія. Но что же можетъ заставлятъ думать, что подъ силою, заимствованной отъ мышленія, необходимо разумѣть чисто психическую силу? Что заставлятъ думать, что подъ мышленіемъ, у котораго отнимается сила, нужно разумѣть въ данномъ случаѣ чисто психическую дѣятельность, а не мозговую—физиологическую? Мышленіе, по Фехнеру, дѣятельность психофизическая, а не просто психическая, и Фехнеръ, прилагая къ мышленію и всякой другой психофизической дѣятельности теорію превращенія энергіи, имѣетъ въ виду именно физическую дѣятельность, ассоцірованную съ психической, а не эту послѣднюю. Онъ самъ

<sup>1)</sup> См. у Челпанова—„Мозгъ и мысль“ въ „Мірѣ Божьемъ“ 1896 г. февр. стр. 132 и 131.

<sup>2)</sup> Вундтъ: „Основанія физиологической психологіи“ стр. 877.

<sup>3)</sup> Бэнъ. „Душа и тѣло“ стр. 95.

<sup>4)</sup> Прекрасное изложеніе теоріи Фехнера можно найти у Владислава: „Соврем. направл. въ наукѣ о душѣ“—стр. 119 и дал.

въ своемъ сочиненіи «Три мотива и основаніе вѣры», сочиненіи, явившимся позднѣ Психофизики, высказываютъ въ общемъ ту мысль, что распространеніе теоріи превращенія энергіи на область и психофизическую не обозначаетъ еще подведенія подъ эту же теорію и чисто духовной области. Такимъ образомъ и относительно разсматриваемаго примѣра можно утверждать, что сила, употребленная на прыжокъ, представляетъ собою эквивалентъ не психической дѣятельности, а мозговой физиологической. Если же при этомъ останавливается, повидимому, и работа мысли, то несомнѣнно потому, что мозгъ, отдавшій свою силу, не могъ уже представить изъ себя той почвы, которая необходима для умственной дѣятельности. Въ чемъ же здѣсь матеріалистическій оттѣнокъ?

Равнымъ образомъ и тотъ фактъ, на который указываетъ Фехнеръ, именно, что сосредоточенное и напряженное мышленіе приводитъ тѣло въ совершенный покой, а равно и тотъ, на который, между прочимъ, указываетъ Бэнъ, говоря, что мышленіе истощаетъ нервное вещество точно такъ же какъ ходьба истощаетъ мускулы <sup>1)</sup>, объясняются тѣмъ, что «мозговая работа», ассоціированная съ духовной, пользуется тѣмъ количествомъ силы, которое нужно было бы для механическихъ и другихъ движеній, что «мозговая работа» истощаетъ организмъ, а не чисто психическая. Что же, повторяемъ, при такой точкѣ зрѣнія на теорію Фехнера, что въ ней такого, что угрожало бы ученію о нематеріальной душѣ, о самостоятельности психической силы, а отсюда—ученію о неуничтожимости ея, какъ таковой—т. е. специфически психической? При представленномъ толкованіи матеріальные процессы остаются матеріальными, психическіе психическими; сила физическая остается сама собой, равнымъ образомъ и сила духовная остается таковою же.

Но отстаивая самостоятельность психической силы, какъ можемъ мы объяснить факты вліянія души на тѣло и обратно? Не впадемъ ли мы въ противорѣчіе съ тѣмъ моментомъ закона сохраненія энергіи, по которому количество физической мировой силы всегда и неизмѣнно равно самому себѣ? Вліяніе, напр., души на тѣло, на внѣшнія движенія, на физиологическіе процессы не заставляетъ ли предполагать введеніе въ матеріальную среду новой силы? Въ подобномъ смыслѣ выра-

<sup>1)</sup> „Душа и тѣло“—стр. 97.

жались, между прочимъ, ученые Гроклеръ и Фуйлье по вопросу о свободѣ воли <sup>1)</sup>. Именно—они говорятъ: «для того, чтобы живое существо могло располагать временемъ и избрать тотъ моментъ для дѣйствія, какой ему угодно, ему необходимо прежде всего пріостановить, задержать силу напряженія (разум. фізіологическаго), которое безъ этого само собою можетъ перейти въ дѣйствіе; а для произведенія этой задержки развѣ не нужна такая или иная сила? Вѣдь задержка, пріостановка не есть простое сохраненіе, простой покой силы, а есть сопротивленіе силѣ, борьба съ нею, имѣющая цѣлю или обузданіе силы, или деравацію ея въ другую сторону. Вѣдь для того, чтобы извѣстныя движенія молекулъ мозга не имѣли своего естественнаго послѣдствія и вмѣсто него могло совершиться дискретное или свободное дѣйствіе, необходимо, чтобы возникло «иное» движеніе и «иныхъ молекулъ», которое парализовало бы и прекратило первоначальное движеніе. Посему предположеніе, что дискретность движенія есть дѣло свободной воли, равносильно допущенію, что не иное что, а та же свободная воля производитъ это новое движеніе другихъ мозговыхъ молекулъ и значить способна производить или вводить въ дѣйствіе новыя силы, а это было бы явнымъ нарушеніемъ закона сохраненія силы».

Но для чего же здѣсь, равно и во всѣхъ другихъ случаяхъ воздѣйствія души на тѣло, предполагать съ необходимостью произведеніе въ матеріальной средѣ «новыхъ» силъ? Не вполне ли достаточно указанные факты объяснять тѣмъ, что душа лишь возбуждаетъ переходъ потенциальной энергіи тѣхъ или иныхъ нервно-мозговыхъ молекулъ въ энергію кинетическую, нисколько при этомъ не теряя своей силы и не прибавляя даже минимальнаго количества къ данному изначалѣ количественному балансу силы матеріальной? Вѣдь міръ физическій представляетъ же намъ примѣры такихъ возбудителей силы. «Магнитъ, свидѣтельствуешь Ульрици, посредствомъ прикосновенія намагничиваетъ нѣсколько желѣзныхъ полосокъ, при чемъ удерживаетъ всю свою силу. Электрическій токъ вызываетъ другіе токи посредствомъ индукціи, нисколько не теряя вслѣдствіе этого своей силы» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> См. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1890 г. декабрь. Статя Малеванскаго „Опытъ о свободѣ воли“, стр. 495.

<sup>2)</sup> См. въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1879 г. кв. 5—8 стр. 422.

Если вдуматься въ то, какимъ образомъ въ мірѣ физическомъ происходитъ воздѣйствіе одной реальности на другую, то окажется, что и здѣсь оно сводится лишь къ возбужденію перехода потенциальной энергіи въ кинетическую. Если сила физическая не мыслима безъ матеріи; если, такимъ образомъ, опредѣленному количеству послѣдней адекватно и опредѣленное количество первой, то мы должны признать, что въ каждомъ матеріальномъ тѣлѣ, равномъ самому себѣ по количеству составныхъ элементовъ, находится опредѣленный балансъ силы, не увеличивающійся и не уменьшающійся въ цѣломъ при томъ, конечно, условіи, если и количество его молекулярнаго состава остается безъ измѣненія. Говорить объ увеличеніи и уменьшеніи силы, при указанномъ условіи, возможно, имѣя въ виду лишь колебанія потенциальной и кинетической энергіи между опредѣленнымъ максимумомъ и минимумомъ. Если говорится, что извѣстная сила, напримѣръ, катящагося крокетнаго шара есть эквивалентъ удара молотка и далѣе—напряженія моей руки, то это не значитъ, что сила шара увеличилась насчетъ силы молотка и т. д., а значитъ только то, что «кинетическая энергія молотка», возбужденная напряженіемъ моей руки, вызвала переходъ «эквивалентнаго ей количества потенциальной энергіи шара» тоже въ кинетическую, при чемъ и молотокъ и шаръ остались при своихъ балансахъ силы, если, разумѣется, не произошло хотя бы минимальнаго измѣненія въ количествѣ ихъ матеріальнаго состава.

Такимъ образомъ, если матеріальный предметъ, дѣйствуя на матеріальный же, не вводитъ въ него новой силы, то на какомъ, же спрашивается, основаніи можно утверждать, какъ дѣлаютъ Гроклеръ и Фуйлье, что воздѣйствіе души на тѣло предполагаетъ введеніе въ матеріальную среду новыхъ силъ? Такихъ основаній нѣтъ и мы имѣемъ полное право утверждать, что и при воздѣйствіи души на тѣло и вообще на матеріальную среду и обратно, количество физической міровой силы остается равнымъ самому себѣ, а отсюда само собою понятно, что ученіе о самостоятельности психической силы нисколько не противорѣчитъ закону сохранения и равенства физической міровой силы и вообще не находится въ противорѣчьи съ новѣйшими теченіями въ положительной наукѣ.

Какъ мы уже видѣли, сила, являясь общимъ свойствомъ бытія, не уничтожима. Неуничтожима и психическая сила. Теперь уже не встрѣчается затрудненій для примѣненія закона



сохраненія силы къ защитѣ истины безсмертія человѣческой души.

Мы знаемъ, что естествонаучный принципъ «нѣтъ силы безъ матеріи», переведенный на метафизическій языкъ, выражается формулой, обнимающей всю область существующаго: «нѣтъ силы, безъ соотвѣтствующаго X-а,» или другими словами: нѣтъ явленій безъ субстанціи. Отсюда: если психическая сила существуетъ, существуетъ и X ея; если психическая сила неуничтожима, неуничтожимъ и X ея, т. е. если неуничтожима сила, обнаруживающаяся какъ мышленіе, чувство, хотѣніе и т. д., то неуничтожима и та реальность, которая мыслить, чувствуетъ, желаетъ; словомъ—человѣческое Я—субъектъ психической дѣятельности и состояній.

Какъ бы ни казалось страннымъ кому-либо утвержденіе, что человѣческое Я переживаетъ тѣло, тѣмъ не менѣе, слѣдуя логически изъ положеній о неуничтожимости силы и ея X-а и будучи въ то же время аналогично принципу естествознанія о неуничтожимости матеріи — этого X-а физической силы, оно подтверждается уже фактами настоящей дѣйствительности. Возможность продолженія существованія человѣческаго я, говоритъ профессоръ докторъ Шилтовъ, усматривается еще въ періодъ земной жизни, когда личность нѣсколько разъ переживаетъ тѣло. Изъ фізіологіи извѣстно, что матеріальныя частицы тѣла безпрѣстанно обновляются, при чемъ старыя частицы разрушаются и удаляются изъ организма, а на ихъ мѣсто поступаютъ въ тѣло новыя частицы; другими словами: молекулярный составъ тѣла всецѣло обновляется въ извѣстный срокъ времени. Такимъ образомъ можно представить себѣ, что у даннаго лица въ 20 лѣтъ жизни былъ одинъ составъ тѣла, а въ 30 лѣтъ у того же лица изъ стараго тѣла не осталось никакихъ матеріальныхъ частицъ, а образовалось совершенно новое тѣло съ новымъ молекулярнымъ составомъ; а за это время, т. е. въ теченіи 10 лѣтъ, внутренняя природа человѣка, его личность осталась та же самая. Въ этой неизмѣнности нашего внутренняго Я, при неоднократномъ полномъ обновленіи всего тѣлеснаго организма въ теченіе жизни, заключается одно изъ важныхъ доказательствъ неразрушаемости этого Я. Внутреннее Я, многократно мѣняя тѣлесную оболочку и оставаясь само неизмѣннымъ, уже во время земного существованія какъ бы воочію показываетъ свою натуру <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> D-г. Шилтовъ: „О безсмертіи души“, стр. 22—23.

Но на самомъ ли дѣлѣ наше Я всегда остается тождественнымъ? Задаемъ этотъ вопросъ потому, что труды психофизиологическаго характера испещрены многочисленными фактами, которые будто бы свидѣтельствуютъ, что тождество нашего Я—это «иллюзія, длаящая болѣе или менѣе долгое время» <sup>1)</sup>. Дѣйствительность будто бы доказываетъ, что Я терпитъ не только болѣе или менѣе значительныя измѣненія, но возможна и совершенная его метаморфоза, возможно раздвоеніе нашего Я и даже совершенное его исчезновеніе. Герценъ и въ особенности Тэнъ <sup>2)</sup> и Рибо <sup>3)</sup> не скупаются на факты этого рода.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

«Одинъ солдатъ, рассказываетъ Тэнъ, считалъ себя мертвымъ съ битвы подъ Аустерлицемъ, на которой онъ былъ раненъ. Когда его спрашивали о здоровьѣ, онъ отвѣчалъ: «вы хотите знать, какъ поживаетъ дядя Ламбертъ? Но дяди Ламберта нѣтъ больше; ядро свалило его подъ Аустерлицемъ; то, что вы видите — не онъ: это дрянная машина, которую сдѣлали на подобіе его». Себя онъ никогда не называлъ я, а всегда «это» <sup>4)</sup>. Этотъ же фактъ приводитъ и Рибо <sup>5)</sup>, замѣчая, что здѣсь мы вступаемъ въ область тяжелыхъ разстройствъ, имѣя дѣло съ двойственностью личности или, вѣрнѣе, съ перерывомъ, съ недостаткомъ сліянія между двумя періодами психической жизни. «Въ слѣдующемъ наблюденіи, продолжаетъ Рибо, мы находимъ полное образованіе второй личности. Одинъ умалишенный каждые 18 мѣсяцевъ или около того, отпускалъ себѣ бороду, принималъ непривычный видъ и манеры и выдавалъ себя за артиллерійскаго лейтенанта, по имени Набонъ, недавно вернушагося изъ Африки, чтобы замѣнить своего брата. Онъ говорилъ, что послѣдній, уѣзжая, сообщилъ ему о всемъ надлежащія свѣдѣнія и что онъ самъ имѣлъ уже честь, послѣ своего пріѣзда, быть представленнымъ каждому изъ окружающихъ. Большой послѣ этого въ теченіи продолжительнаго времени оставался въ состояніи сильнаго возбужденія, вполне сообразуя свой образъ дѣйствій съ новой своей индивидуальностью. Спустя нѣкоторое время, онъ заявлялъ о возвращеніи изъ деревни своего брата, совершенно

<sup>1)</sup> Герценъ: „Общая фізіологія души“, стр. 208.

<sup>2)</sup> Тэнъ: „Объ умѣ и познаніи“.

<sup>3)</sup> Рибо: „Болѣзни личности“.

<sup>4)</sup> Тэнъ: „Объ умѣ и познаніи“, томъ II, стр. 116.

<sup>5)</sup> Рибо: „Болѣзни личности“, стр. 55—56.

измѣняль манеры и обращеніе и принималъ свое настоящее имя» <sup>1)</sup>). Тотъ же Рибо рассказываетъ объ одной помѣшанной, которая даже изо дня въ день мѣняла свою личность, званіе и самый полъ. Она была то дочь царской крови, обрученная императору, то плебейка, то демократка; сегодня замужемъ, а завтра—дѣвушка. Однажды она вообразила себя важнымъ политическимъ преступникомъ и сочинила по этому поводу стихи <sup>2)</sup>).

Вспомнимъ рассказъ Герцена о богатой американкѣ, которая, проснувшись отъ продолжительнаго сна, забыла рѣшительно все, что знала, такъ что ей пришлось заново учиться читать, писать, заново знакомиться со всѣми окружающими. Погрузившись снова въ глубокій сонъ, американка проснулась со всѣми знаніями и воспоминаніями молодости, но за то позабывъ все то, что происходило съ нею въ промежуткѣ между этими состояніями. Въ продолженіи слишкомъ четырехъ лѣтъ, она, по свидѣтельству Герцена, періодически переходила отъ одного состоянія къ другому и совершенно не сознавала двойственности своей личности. Въ каждомъ изъ этихъ состояній она была совсѣмъ отдѣльнымъ лицомъ. Въ своемъ первоначальномъ состояніи она обладала всѣми своими прежними знаніями; въ новомъ же состояніи знала только то, чему научилась со времени болѣзни и это распространялось на мельчайшія подробности. Если ее желали познакомиться съ кѣмъ-нибудь, то необходимо было представить ей это лицо во время обоихъ ея состояній, иначе знакомство не было полнымъ <sup>3)</sup>).

Повидимому, приведенные факты наносятъ ударъ ученію объ устойчивости и постоянствѣ нашего Я, но именно «только повидимому».

Какой въ общемъ смыслъ соединяють вышеназванные ученые и ихъ послѣдователи съ понятіемъ Я, когда говорятъ о возможныхъ метаморфозахъ и даже исчезновеніи послѣдняго? Если устранить въ предлагаемомъ ими понятіи этого Я физиологическую сторону, оставивъ лишь чисто психологическую, то это «измѣняющееся Я» понимается ими какъ сконцентри-

<sup>1)</sup> Рибо: „Болѣзни личности“, стр. 99—100.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 99.

<sup>3)</sup> Герценъ: „Общая физиологія души“, стр. 215—216. См. также статью „наше „Я“ въ загробномъ мірѣ“ въ февр. кн. „Христіанскаго Чтенія“ за 1910 г.

рованные въ одно цѣлое ряды психическихъ состояній, находящихся въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ между собою. Я—это группа ощущеній, понятій, чувствованій, хотѣній и т. п. <sup>1)</sup>). Разумѣется при такомъ пониманіи нашего Я—всякое измѣненіе связи указанныхъ состояній, притокъ новыхъ ощущеній, мыслей и чувствъ, наличность въ памяти однихъ образовъ и отсутствіе цѣлыхъ группъ другихъ—все это сказывается какъ измѣненіе и даже совершенная метаморфоза Я. Отсюда понятно, что американка, о которой разсказано выше, по своемъ пробужденіи не помнившая ровно ничего изъ того, что знала прежде, и вынужденная со всѣмъ окружающимъ знакомиться снова, стала новою личностью. Я этой женщины сгруппировалось изъ новыхъ ощущеній, представленій, чувствованій. Можно было бы думать, что прежнее Я окончательно погибло; но вотъ въ одинъ прекрасный день она просыпается со всѣмъ запасомъ прежнихъ знаній и впечатлѣній, забывъ въ тоже время всю группу новыхъ.

При періодическомъ переходѣ изъ одного состоянія въ другое американка явилась живымъ доказательствомъ наличности у нея не одного, а двухъ Я. Словомъ, если понимать человѣческое Я, какъ группировку психическихъ состояній или какъ «отраженное въ сознаніи единство организма»—по выраженію Герцена <sup>2)</sup>), то о тождественности и неразрушимости Я не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Но въ то же время должно быть яснымъ, что приведенные выше факты ничего не говорятъ противъ нашего утвержденія о тождественности и неуничтожимости Я, такъ какъ мы соединяемъ съ послѣднимъ совершенно иной смыслъ, понимая наше Я какъ субъектъ психической дѣятельности и состояній, какъ X психической силы. Какъ бы и о чемъ бы ни мыслить человѣкъ; какая бы перемѣна въ связи тѣхъ или другихъ его представленій, въ его воспоминаніяхъ ни произошла; сознаетъ ли онъ себя сегодня однимъ, а завтра другимъ, представляетъ ли себя плохою машиной или просто «это», какъ дядя Ламбертъ, во всякомъ случаѣ «субъектъ этихъ представленій и прочихъ психическихъ состояній остается всегда»: процессы мышленія, сознанія, воспоминанія не возможны безъ мыслящаго, сознающаго, воспоминающаго. «Даже въ томъ случаѣ,

<sup>1)</sup> Ср. напр. у Тэна цитов. сочин. т. II, стр. 103. 100 и др.

<sup>2)</sup> Общая фізіол. души, стр. 221.

говорить Эбрардъ, когда, подъ вліяніемъ *idea fixa*, сумасшедшій выдаетъ себя за короля, или за Самого Бога, или за убійцу, или за прялку, слова его: «я убилъ свою жену, я—бразильскій императоръ» показываютъ, что при неправильныхъ предикатахъ, которые онъ себѣ приписываетъ, его Я—какъ субъектъ—остается» <sup>1)</sup>. Многочисленные и каждому, конечно, извѣстные примѣры воспоминанія старцевъ о томъ, что «съ ними» происходило, какія состоянія они переживали 50—70 лѣтъ тому назадъ, съ очевидностью говорятъ, что Я этихъ старцевъ, Я—какъ субъектъ ихъ психической дѣятельности—во все не иное сравнительно съ тѣмъ Я, которое дѣйствовало, мыслило, чувствовало въ періодъ давно минувшихъ дней. Конечно, возрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ у мальчика и старца—разумѣемъ здѣсь одно и то же лицо—могутъ быть и бываютъ совершенно не сходны; духовныя стремленія грѣшника, сдѣлавшагося затѣмъ праведникомъ, разумѣется, различны часто до противоположности, но именно—возрѣнія, стремленія и т. п. не тождественны, а не субъекты этихъ стремленій и возрѣній. Метаморфоза личности—фактъ несомнѣнный, но метаморфоза касается индивидуальныхъ свойствъ, нравственнаго облика и т. д., но Я—какъ субъектъ психической дѣятельности, какъ реальность, которая мыслить и чувствуетъ, всегда остается самимъ собою, всегда остается неизмѣннымъ. Этотъ послѣдній фактъ, фактъ постоянства и неучтожимости Я въ здѣшной земной жизни особенно дорогъ для насъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, настоящая дѣйствительность не противорѣчитъ сдѣланному нами ранѣе выводу о неунуничтожимости вообще психическаго X-а или, другими словами—о безсмертіи психической субстанціи, т. е. безсмертія души. Вѣдь неунуничтожимое вообще, въ частности—за гробомъ, должно быть неунуничтожимо прежде всего въ здѣшной жизни, а это какъ разъ и подтверждается дѣйствительностью.

В. Цвѣтковъ.

<sup>1)</sup> Апологетика.—Научное оправданіе христіанства\*. Т. I; стр. 98.



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## *Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»*

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки